

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

МАГИЧЕСКИЙ УНИВЕР

УЧЕБА ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *Алексея Матвеева*

Иллюстрация на обложке *Ирины Кругловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65   Магический универ. Учеба требует жертв /
Галина Гончарова. — Москва : Издатель-
ство «Э», 2017. — 448 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-699-95212-0

Случайное совпадение — и Юлька, будущий биолог, становится студенткой лучшего на два мира Магического универа. Казалось бы, все новое, все незнакомое... Или нет? Учеба, дружба, любовь — разве они не одинаковы во всех мирах? Опасности, приключения, заговоры, враги — и это есть везде. Но студенты факультета боевой магии, на который поступила Юлька, трудностей не боятся. На опасность — начхать, приключению — обрадоваться, заговор — раскрыть, врага — убить... все правильно? А если что-то спутаем — друзья помогут. Или любимый человек. Ах, он не человек вовсе? Не важно. Еще раз повторим — студенты факультета боевой магии трудностей не боятся. А значит — вперед!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95212-0

© Гончарова Г.Д., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая
«НЕ БРОСАЙТЕ МЕНЯ
В ТЕРНОВЫЙ КУСТ»

Глава 1

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Вообще-то я нормальная. Ну, или была до дня Ивана Купалы. Даю самое честное пионерское слово — я была абсолютно вменяемой занудой, одной из самых занудных в группе. Носила старые джинсы — просто потому, что так удобнее, читала детективы на переменах, вместо того чтобы разговаривать с подругами, и никогда не красилась — просто из лени. Я Юля, но всю жизнь все называют меня Леля, хотя я просто ненавижу это имя. Леля — что-то такое высокое, худое, задумчивое и с интересной бледностью лица, происходящей от несварения желудка. И очень стервозное внутри. А я веселая, взбалмошная, с вечным румянцем во всю щеку и волосами, которые принципиально торчат в разные стороны. Им, видите ли, так удобнее. А то, что я ни одну прическу не могу сделать, на голове всю жизнь как воронье гнездо, — это мелочи. Еще я студентка биологического факультета и читаю запоем книги. В общем, все как у всех, ничего особенного, велосипед не изобретаем и не крадем. И вот случилось историческое событие. Хотя тогда я называла его обычным заскоком по фазе.

В одной из книг я наткнулась на описание ночи на Ивана Купалу — с шестого на седьмое июля по новому стилю. В эту ночь прыгают через костер, об-

ливают друг друга водой и собирают магические травы. И самое главное — цветет папоротник. Кто сорвет цветок, тому будут ведомы все тайны на земле. Вообще-то у папоротника еще много функций, но эта меня заинтересовала больше всего. И я решила — надо ехать. Уж я-то наверняка найду этот цветок. Вот стукнуло мне что-то в голову. Или по голове... Но если я упрусь в одну идею — уж поверьте мне, второй в моем мозгу не уложиться. Места, наверное, мало.

Как студентка биофака, я, конечно, знала, что папоротник не цветет. Но разве нельзя поверить в чудо? Нужно!

И я отправилась в лес за цветком папоротника. Собралась в темпе вальса, чтобы не передумать, и поехала, как и решила, за сотню километров от города. Предупредила маму, что вернусь на следующее утро, мама махнула рукой и сказала катиться колбаской и быть поосторожнее. Особо она за меня не боялась. Мы в этом лесу ежегодно отдыхали на турбазе, так что я там каждый пенек на ошупь знала. Отца решили не информировать, брат просился со мной, но я его отшила, сказав, что без сопливых скользко. Я даже не боялась ехать в лес одна. Компас был, карта леса и фонарик тоже, оделась я тепло — так что за меня беспокоиться? Волки в нашем лесу уж триста лет как не водятся, а кабаны и лоси сами к человеку не подойдут. Да и человека к себе не подпустят. Оставались еще люди, которые похуже всяких зверей, но с ними я постараюсь не встречаться. В лесу шаги далеко слышно, успею спрятаться.

В общем, самыми страшными зверями в нашем лесу были комары. Огромные и злющие. И не кормленные с зимы. И вот иду я от автобусной остановки, а от нее еще до леса километров семь пилить, да еще в лесу устраиваться, а уже темнеет. Ничего,

вот доберусь, разведу маленький такой костер и буду жарить на нем взятый из дома хлеб с крахмально-бумажно-красительной колбасой, а потом пойду искать этот цветок папоротника. И обязательно найду его. Найду, потому что иначе нельзя. Я всегда верила в чудеса, а значит, они должны происходить в жизни. Обязаны! Ведь как жить без чудес? Этого и не понимали мои однокурсницы. Они не понимали, почему мне хочется плакать на рассвете, когда солнце такое большое и чистое, а мир открытый и нежный, словно спящий котенок. А я, грешна, никогда не понимала, чем косметика от фирмы Avon лучше или хуже фирмы Faberlic и как можно в пятый раз обсуждать немодный свитер училки по математике и ресницы мальчика на соседней парте. Может, это просто моя ущербность? Не знаю. Но мне всегда становилось от этого тоскливо. Потому-то у меня и друзей было мало. А сейчас я шла по деревне, готовясь свернуть на проселочную дорогу...

— Леля! — окликнул меня знакомый голос.

Я обернулась, улыбаясь до ушей. Голос принадлежал бабе Вере, у которой мы всегда покупали молоко с тех пор, как меня в возрасте трех лет первый раз привезли на турбазу. Мы приходили к вечерней дойке, баба Вера наливала нам трехлитровую банку, и молоко было теплое и странно живое, и мы с братом не выдерживали и отпивали по несколько глотков прямо из банки, ссорясь за право первой очереди.

— Здравствуйте, баб Вера.

— Вечер добрый, Леля. Вы отдыхать приехали? — спросила старушка.

— Нет, это моя самодеятельность, — откликнулась я. — Захотелось отметить ночь на Ивана Купалу.

Лицо бабы Веры словно потемнело.

— Зря ты это задумала, Леля, зря.

— Почему? — не поняла я.
— Сегодня темная ночь, — непонятно ответила она. — Кто знает, что сегодня выйдет из ворот...
— Из каких ворот?
— Это не важно. Может, не пойдешь?
— А куда мне тогда? Автобус уже уехал...
— Да хоть у меня переночуешь. Я тебе в дочкиной комнате постелю.

Я подумала и покачала головой. Хотелось в лес. Я уже настроилась жарить хлеб на костре, а деревья будут загадочно покачиваться у меня над головой, и бледная луна — подмигивать с прозрачного неба. И променять все это на деревенскую ночевку? Запах леса на запах навоза?! Да ни за что!!! Так я и заявила.

Баба Вера стала еще более задумчивой.

— Зря ты это затеяла. Напрасно. Кто знает, что ты там найдешь...

Я пожалала плечами. Что я там найду кроме комаров и романтики? Вопреки всем воплям о страшном лесе. Поверьте мне, на улице среди бела дня гораздо опаснее, чем в самом темном лесу самой страшной ночью. А в нашем хоженом-перехоженом лесу вообще нет ничего особо страшного.

— Или кто меня найдет? Может, это судьба?

— Может, и так. Только будь осторожнее.

Я попрощалась и отправилась дальше. Уже стемнело, когда я вступила в подлесок. Настроение не то чтобы испортилось, но как-то изменилось. И не в лучшую сторону. Странно как-то было. Словно что-то менялось во мне и в природе. Я уже давно сошла с дороги и шагала по бурелому, привычно держа направление на запад, к реке. Как хорошо в лесу! Со-сны колыхались и завораживали меня. Легкий ветер скользил по лицу, лаская его и стирая капельки пота.

А запахи! Цветы, травы, хвоя, смола... Я завертелась, широко раскинув руки. Голова у меня пошла кругом от переизбытка кислорода. А когда я проморгалась, посреди поляны стояло оно. Это было похоже на привидение или на взбесившееся облако, которое решило сменить небесную прописку на лесную. Лоскут снежно-белого марева, лохматого по краям и непрозрачного в середине. Я помотала головой. Лоскут все так же стоял посреди леса, не собираясь исчезать. В следующие пять минут я поочередно щипала себя за руку и за кончик носа, чесала в затылке и швыряла в странное явление веточки. Потом обошла его кругом. Веточки пролетали в марево и не возвращались. Что я сделала? Я поступила, как тот самый генерал из анекдота. Не фиг тут думать, прыгать надо. Так что я разбежалась, крепче зажмурилась и ринулась прямо в плотную белую середину. И, кажется, завизжала в полете.

* * *

Я визжала громко и пронзительно, на одной высокой ноте. От такого визга могли и стекла полопаться. Это был мой коронный детский номер. Я могла визжать без перерыва до получаса. Потом требовалось немного передохнуть, и я могла визжать еще полчаса. И сейчас намеревалась побить все свои прежние рекорды, но преобильно хлопнулась задом о какую-то твердую поверхность. И заткнулась. Потом открыла глаза. Сперва один, потом второй. М-да, круто я попала, только вот куда?! Уж точно не на ТВ. Ни камер, ни зрителей. Хотя нет, зрители как раз имелись. Я сидела на заднице в огромном зале с колоннами. Потолок был белым, стены и колонны черными, и пол тоже. А я находилась точно в центре пентаграммы, нарисованной чем-то красным. Рядом с пентаграммой

стояли два странных типа. Первый из них имел вид мага с картинки. Этакая синяя хламида, расшитая золотом, кипенно-белые волосы, падающие на плечи красивыми волнами, окладистая борода и ярко-алый нос. Второй был раза в три потолще «мага» и ниже на голову, в фиолетовой хламиде, тоже расшитой золотом. Она великолепно оттеняла короткую черную бороду и блестящую лысину. Лысина маскировалась редкими прядками, начесанными от ушей на макушку. «Внешний заем», — вспомнила я. И фыркнула. Горло болело, как будто я его час наждаком начищала. Интересно, а говорить я смогу? Надо проверить. И первой моей фразой стало:

— Мать вашу за ногу!

— Россия, — безошибочно определил пузатый тип.

— Согласен с вами, коллега, — наклонил голову «маг». — Кажется, это одно из общеупотребительных русских выражений?

Говорили они на каком-то странном языке, но я их понимала. Слова сразу проходили в мозг, не задерживаясь в ушах. Голоса звучали странно, но вполне приятно.

— Да, по нашим сведениям... — начал толстяк.

Что там было по их сведениям, я уже не узнала. Потому что решила поддержать честь родной державы парочкой не менее общеупотребительных, но уже непечатных выражений:

— ... ..! ... ..! ... ..!!!

— Несомненно, Россия, — заключил худой.

Я помотала головой, прогоняя остатки дурноты. Народная русская речь — это, конечно, хорошо, но пора бы и налаживать контакты с аборигенами.

— Ладно, колитесь, господа-товарищи-граждане! Где я? Кто вы? Как я здесь оказалась? Что со мной

произошло в лесу? Что вы собираетесь со мной делать?

Между двумя типами словно пронесся теплый поток. А поскольку они стояли друг напротив друга и как раз надо мной, то меня тоже задело. Тогда я еще ничего не знала, но четко уловила обрывок чужой мысли, поняла, что это касается меня, и решила вмешаться в разговор. Молчание, конечно, золото, но я всегда больше любила серебро.

— Логика мне действительно сопутствует, но далеко не всегда. У нее есть занятия и поинтереснее, а вообще я предпочитаю чувство юмора.

Толстый и тонкий обменялись странными взглядами и впились в меня глазами.

— Вы что-то поняли из наших мыслей? — спросил тот, что был похож на мага.

Я решила быть честной.

— Далеко не все. Только три слова: «Логика всегда сопутствует...» А что это означает, я не знаю. Но вы точно имели в виду меня.

— Это уже очень много. Это просто невероятно. Ладно. Вставайте, девушка, и давайте поговорим. — «Маг» протянул мне руку. Я гордо отвернула нос и попыталась подняться сама. Все тело будто закололо тысячами иголок. Отлежала я его, что ли? Но когда? Ладно, стиснем зубы и перетерпим. Бывало и хуже, особенно когда я только начинала заниматься карате. Типы посмотрели на меня с уважением. Я, не удержавшись, почесала копчик и потянулась всем телом. Толстый улыбнулся мне:

— Пойдемте отсюда, девушка.

— Откуда вы знаете, что я девушка? — не удержался мой длинный язык. — Может, у меня дома семеро по лавкам сидят?

— Давайте вы потом покажете, какая вы кру-

тая, — осадил меня седобородый. — А пока пойдёте отсюда. Вы же хотите получить объяснения по факту своего появления здесь?

Я безропотно повиновалась. Объяснений хотелось даже больше, чем в туалет. А уж как туда хотелось... Надо было сперва присесть под кустиком, а уж потом прыгать. А то опозорила бы родную державу на весь, на всю... Короче, на ту точку, в которую я попала. Минимум — двумя литрами.

Мы покинули зал, спустились по лестнице и зашли в какую-то неприметную дверь. Седобородый тип хлопнул в ладоши. Зажглись светильники. Маленькие такие шарики, висящие на оленьих рогах. Я огляделась по сторонам. Это явно был чей-то кабинет. Множество шкафов с книгами, громадный письменный стол, несколько кресел, уютных даже на вид. На стенах то ли плакаты, то ли картины. Разглядеть я их не успела, потому что седобородый мужчина пригласил меня занять кресло, а сам уселся напротив и впился в меня инквизиторским взглядом.

— Теперь можешь задавать вопросы, — разрешил «маг».

Я вдохнула, потом выдохнула воздух, потом опять вдохнула и выдохнула. Обладая родными, которые повторяли все по шесть-восемь раз, я просто не переносила эту манеру в других людях, и еще больше не переваривала, когда повторять заставляли меня. Аутотренинг помог плохо.

— Спрашиваю в третий раз, — тихо произнесла я. — Где я, черт подери?!

— Ты прошла через ворота в другой мир, — спокойно ответил чернобородый.

Я просто не поверила. Поэтому и спросила с издевкой:

— А вы кто? Волшебники?

— Интуиция у тебя великолепная, — согласился чернобородый. — Мы действительно колдуны.

— Правда?!!

Глаза у меня тихо полезли на лоб. Хотя... Может, я просто с разбегу об сосну ударилась, когда прыгала через облако? А сейчас я очнусь и обнаружу, что лежу среди деревьев с шишкой на лбу.

— Вполне возможно, — согласился «маг». — Но это зависит от тебя.

Я уже ничего не понимала.

— Расскажите все по порядку, пожалуйста, — жалобно попросила я, — я же сейчас с ума сойду, а вы еще и издеваетесь! Совести у вас нет — так мучить нежную девушку!

Мужчины весело переглянулись. Кажется, они мне не верили. И зря... Я же такая нежная, такая чувствительная... не всяким бревном перешибешь!

— Хорошо, — кивнул седобородый, — слушай. Ты действительно находишься в другом мире. Наш мир и твой совсем разные. В вашем мире техника подавила души людей. Мы же не строим машин. Наш мир основан на магии. Магия слова, магия жеста, магия мысли. Да, в чем-то мы используем и машины, но они играют второстепенную роль. У вас изучают физику и начертательную геометрию. Мы исследуем строение потоков магического эфира, сокращенно — СПЭФ, и начертательную магометрию. Ваш мир — механика, наш — колдовство. Когда-то наши миры соприкасались, и дорога к нам и к вам всегда была открыта. Многие приходили, кто-то оставался, кто-то возвращался, многие учились здесь...

Я вспомнила сказки народов мира, которые перечитывала под настроение, и охнула. Вот оно что! Мир магии! Отсюда все и пошло. И тридевятое царство,

и «поди туда, не знаю куда», и все-все-все остальное, типа говорящих волков и вампиров!

— Правильно, — подтвердил седобородый.

Как ни ошеломлена я была свалившимися мне на голову новостями, но все-таки наконец среагировала. Не прошло и года!

— Вы что — мысли читаете?!

— Читаю. Ты еще совсем не умеешь контролировать их. Но не все, а только те, что относятся к нашему миру. Надо же знать, не принесешь ли ты нам вреда!

Я невольно засмеялась. Ну и наглость! Затащили к черту на рога, а теперь еще и в мозги лезут!

— Ладно, читайте. Со временем я вам отплачу той же монетой.

— Посмотрим. Так вот, около шести тысяч лет назад по нашему летоисчислению...

— А по-нашему? — не утерпела я.

— Около двух тысяч лет. Три наших дня равны одному вашему. Ясно? Подробнее тебе потом расскажут, на «временных потоках».

— Простите, больше перебивать не буду.

Колдун кивнул и продолжил:

— Около шести тысячелетий назад один безумный гений запер ворота между нашими мирами. Он был колдуном, и гениальным колдуном, надо сказать, но в то же время сумасшедшим. Он возненавидел все иные формы жизни.

Я зажала себе рот рукой, чтобы не перебивать, но «маг» улыбнулся и пояснил:

— Мы, люди, самая многочисленная раса, но есть еще и другие. Вампиры, оборотни, друиды, эльфы, элвары, альвы, гномы, лешие, кикиморы... да всех просто не перечислишь! Этот маньяк, а по-другому его и не назовешь, смог закрыть ворота между наши-

ми мирами, и вы пошли по технократическому пути развития. Он уже умер, и это очень хорошо, но этот мерзавец был гением. После своей смерти, то есть самоубийства, он устроил так, что его неизрасходованная сила, — он как-то так произнес это слово, что я сразу поняла — речь идет о магической силе, а не о бодибилдинге, — поддерживает заклинание, закрывающее наши миры друг от друга. Наши колдуны подсчитали, что это продлится еще около двадцати четырех тысяч лет. По вашему счету это около восьми тысячелетий. Потом ворота откроются, и ваш мир снова станет миром магии.

— Если доживет до этого, — вздохнула я.

— Даже если и не доживет, — пожал плечами седебородый. — Магия может многое. И устранить все, что вы причинили себе своими нелепыми железками, и вырастить леса, и наполнить моря водой... И мы опять придем в ваш мир. Я, конечно, не доживу, но мои дети, внуки, правнуки... Ладно, это просто мои мечты. Так вот тот подонок не только запер наши миры, он еще и насадил в вашем мире чрезвычайно агрессивную и нетерпимую религию. И новоявленные христиане, — слово это он выговорил так, словно его жгучим перцем посыпали, — рванулись истреблять всех, кто не успел удрать. Чертей возвели в ранг сил Тьмы! Про колдунов и ведьм рассказывали такое, что повторять тошно! За несчастными вампирами и оборотнями охотились, как за дикими зверями! Да ты и сама все отлично знаешь!

Еще бы мне не знать. Небось все про инквизицию в школе слышали!

— Пока он был жив, мы ничего не могли сделать, — вздохнул седебородый. — Этот мерзавец и правда талантлив. Но после его смерти мы сумели найти лазейку. Представь себе, что ручей, выпадаю-

щий в огромную реку, завалили камнями. Он потек по другому руслу, набирая в себя грязь и гадость, но отдельные его потоки... Нет, не потоки, капли, всего лишь капли, но они все-таки просачиваются через камни. И их все больше и больше. И ты — одна из таких капель.

— Оставим поэтические сравнения для певцов и музыкантов, — решительно вмешался седобородый. — Скажи честно, девочка, как ты относишься к вампирам и оборотням? Эльфам и лешим? Кикиморам и водяным?

Показалось, что его взгляд проткнул меня насквозь. Но стыдиться мне было нечего.

— Никак не отношусь, — ответила я. — Никакого страха или отвращения. Скорее, наоборот. Здоровое любопытство. А у вас они водятся? Все сразу?

Глаза «мага» потеплели.

— Это хорошо. Теперь я могу говорить дальше.

— А если бы я сказала, что я — ревностная христианка и всякую нечисть надо уничтожать?

Спрашивала я из чистого любопытства. Впервые, я всегда была атеисткой. Как говорил один мой знакомый, надо либо думать, либо верить. Я же предпочитала думать. Бога нет до тех пор, пока его существование нельзя будет доказать математическим путем. И точка. А во-вторых, я с детства усвоила, что нет плохих и хороших, есть только наше отражение в зеркале. И если тебе подставляют подножку, подумай, что бы сделал ты на месте этого человека. Возможно, то же самое? Так какое же право я имею осуждать тех же вампиров? Они пьют кровь, согласно мифам. Но им же это необходимо! Стоит только поставить себя на их место, и их уже нельзя осуждать. Неужели вы, неожиданно превратившись в вампира, перешли бы на растительную пищу? Что-

то я сомневаюсь. Или еще проще. Я в жизни видела ну очень мало вегетарианцев. С нашей точки зрения, есть бифштекс — поддерживать силы. А с точки зрения коровы, из которой этот бифштекс приготовлен? Убийство и людоедство.

— Ты бы очнулась в лесу с сильной головной болью и шишкой на лбу, — отрезал седобородый. — Мы не можем рисковать! В нашем мире не будет ни христианства, ни остальных его разновидностей! Слишком мы разные, чтобы делиться на угодных и негодных вашему Богу! Да и рабы из нас плохие!

— Мы не рабы!

— Угу, а рабы — не мы? Так, что ли? А как же ваши фразы? Раб Божий такой-то, спаси, Господи, раба своего, такого-сякого? Не ваши?

— Наши. — Я внезапно поникла духом. — Я ведь крещеная. Это может помешать?

— Не может. Пять капель воды и бормотание, которое исходило от человека, лишённого магической силы и знаний, не могут ни помешать, ни повредить тебе как ведьме. Если ты сама во все это не веришь.

— Я не ведьма.

— Пока — нет. Я ведь так и не представился тебе. Ведун Антел Герлей. Полностью — Верховный колдун Магического Универса, Антел Герлей. Ученики до ведуна сократили, а там и прижилось. Это мой помощник, — он кивнул на чернобородого. — Колдун Бремя Теодорус.

— Оч-чен-нь п-прият-тно, — заикнулась я. — Юлия. Синичкина. Можно — Леля. А почему — Универ, а не Университет?

— Узнаешь на уроках истории.

— Уроках истории? — Новости вышибли из меня остатки мозгов. Голова казалась большой и гулкой, как медная кастрюля.